

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-227-238>

УДК 811.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. И. П. Зайцева
г. Витебск, Республика Беларусь

ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ИМЕН СЛАВЯНСКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПТИЦ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XX СТОЛЕТИЯ

Аннотация: В статье анализируются принципы введения авторами в лирические контексты (в их индивидуально-авторской интерпретации) образов волшебных птиц, представляющих один из секторов восточнославянского мифологического пространства: образов Сирина и Алконоста. На материале лирических произведений ряда авторов XX в. (Б. К. Семенов, В. А. Рождественский, М. Вега) продемонстрировано, каким образом поэты развивают традицию «двуединого» (в тесной взаимосвязи) осмысления этих образов, заложенную лирикой А. Блока, которая, в свою очередь, восходит к представлениям, сформировавшимся в языковой картине мира восточных славян на протяжении длительного времени. В соответствии с этой традицией Син и Алконост символизируют противоположные состояния человеческой души, которые у представителя славянской культуры нередко взаимодействуют неразрывно, дополняя и обуславливая друг друга. Развитие лириками XX в. этой традиции осуществляется в индивидуально-авторском ключе, что в каждом конкретном случае придает лирическому произведению концептуально-эстетическое и лингвостилистическое своеобразие. Представляется, что полученные результаты могут быть интересными для дальнейших исследований как в сфере стилистики художественной речи, так и в области этнолингвистики.

Ключевые слова: этнолингвистика, мифологический образ, лирическая структура, прецедентное имя, семантический потенциал, композиция.

Информация об авторе: Ирина Павловна Зайцева — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, пр. Московский, д. 33, 210038 г. Витебск, Республика Беларусь.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4659-0929>

E-mail: irinazaj91@mail.ru

Дата поступления статьи: 24.04.2020

Дата одобрения рецензентами: 25.06.2020

Дата публикации статьи: 28.06.2022

Для цитирования: Зайцева И. П. Осмысление лингвокультурного потенциала имен славянских мифологических птиц в русской лирике XX столетия // Вестник славянских культур. 2022. Т. 64. С. 227–238. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-227-238>

Идея **антропоцентричности** языка сегодня является практически общепризнанной: именно представление о человеке является естественной отправной точкой для большинства современных языковых построений. Выдвижение антропоцентрического подхода в качестве ведущего во многих лингвистических исследованиях стимулировало в том числе и интенсивное развитие во второй половине прошлого столетия ряда междисциплинарных, пограничных с языкознанием наук, в центре внимания которых разноаспектное изучение связей языка и его носителей: этнолингвистики, психоллингвистики, лингвокультурологии и других.

Под **этнолингвистикой** в общем смысле понимают отрасль науки, находящуюся на стыке этнографии и языкознания и изучающую взаимоотношения между этносами и их языками. В более образном осмыслении этнолингвистика может быть истолкована как одно из направлений изучения «души языка», поскольку ориентирована на «рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [10, с. 27].

Теоретическая основа этнолингвистики, как известно, была заложена некоторыми идеями известных ученых — как отечественных, так и европейских — достаточно давно. Среди этих исследований особого внимания заслуживают труды выдающихся ученых-лингвистов XIX в.: В. фон Гумбольдта, который рассматривал язык прежде всего сквозь призму духовной культуры той или иной нации, и Ф. И. Буслаева, подчеркивающего в своих работах творческий характер языка, а также интерпретирующего родной язык как «неистощимую сокровищницу духовного бытия человеческого». Однако как особое научное направление, исповедующее определенный подход к исследованию языка — рассмотрение последнего прежде всего сквозь призму духовной культуры, — этнолингвистика сложилась в первой трети XX в. и связывается в первую очередь с именами основоположников американского языкознания Ф. Боаса и Э. Сепира, изучавших языки американских индейцев, лишённые письменной традиции, и их культуру.

Н. И. Толстой отмечает важность для этнолингвистических разысканий «гомогенного» ряда «язык, религия, верования, обычаи, искусство», поскольку именно его изучение в значительной степени позволяет реконструировать древние соотношения языка и этноса, языка и народной культуры» [10, с. 29], в связи с чем, по его мнению, этнолингвистика, подобно компаративистике, может и должна члениваться по этноязыковым признакам, что дает основания для выделения славянской этнолингвистики в автономную область этнолингвистических исследований.

По поводу своеобразия славянской этнолингвистики в свое время размышляли и неоднократно высказывались такие ключевые фигуры отечественного языкознания, как Ф. И. Буслаев, А. А. Потехня, И. А. Бодуэн де Куртэне и др. Почва для становления этнолингвистики славян подготовлена многими работами исследователей истории русского и славянских языков: А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Е. Ф. Будде, Н. Н. Дурново, Д. К. Зеленина. Этнолингвистический подход к явлениям языка (с отчетливой соотнесенностью их с явлениями культуры) прослеживается и во многих лексикографических славянских источниках XIX–XX вв., приоритетное место среди которых, безусловно, занимает «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля.

В настоящей публикации анализируется осмысление художниками слова XX столетия (поэтами-лириками) содержания ряда прецедентных имен, которые входят в систему «Имена волшебных птиц», функционирующих в одном из фрагментов

мифического пространства славян, прежде всего — в его восточнославянском «секторе».

Необходимо заметить, что термин «миф» в позапрошлом столетии применялся исключительно к античной мифологии: это понятие, как правило, использовалось для обозначения сюжетов о богах и героях, извлеченных из произведений древнегреческих и древнеримских писателей — поэтов, прозаиков и драматургов; мифологическим же стали называть и эпос, посвященный богам и героям. Русскую же мифологию в XIX в. обычно называли **баснословием** — именно это значение зафиксировано в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «*Баснословіе* <...> сказаніе о вѣкахъ доисторическихъ, сказочныхъ; учение о многобожіи, о божествахъ суевѣрія, мифологія; <...> *баснословный*, мифологическій» [3, с. 53]¹.

Вероятно, отчасти такое терминологическое расхождение можно объяснить в том числе тем, что славянская, в частности русская, культура не знает мифологического эпоса, подобного греческим поэмам «Илиада» и «Одиссея» или же германо-скандинавским «Старшей» и «Младшей Эдде». Мифология русского народа в значительной своей части находила отражение в самой обыденной жизни, в поверьях и суевериях, в обрядах и ритуалах, в языке повседневного общения. Бесспорно, важнейшим источником этой мифологии было устное народное творчество, богатырский эпос и волшебная сказка, предания и легенды, а также вся древнерусская литература и изобразительное искусство — именно по этим источникам ее стали активно изучать с конца прошлого века. Существенный вклад в осмысление с научных и эстетических позиций славянской мифологии внесли А. Н. Афанасьев, А. Н. Веселовский, В. Ф. Миллер, И. В. Ягич; не меньшие заслуги в этом плане принадлежат А. А. Потебне, Д. К. Зеленину, В. Я. Проппу, а также Б. А. Рыбакову и В. Н. Топорову.

По целому ряду признаков мифологических персонажей: их функциям, степени индивидуализированного воплощения, характеру их связей с коллективом, степени актуальности для человека и т. д. — внутри славянской мифологии, подобно мифологиям других народов, выделяют несколько уровней.

Высший уровень характеризуется наиболее обобщенным типом функций богов (ритуально-юридическая, военная, хозяйственно-природная), их связью с официальным культом (вплоть до раннегосударственных пантеонов). К высшему уровню славянской мифологии относились два праславянских божества, чьи имена достоверно реконструируются как *Perunъ (Перун) и *Velesъ (Велес), а также увязываемый с ними женский персонаж, праславянское имя которого остается неясным [5, т. II, с. 450].

Универсальным образом, синтезирующим все описанные выше отношения, у славян (и у многих других народов) является **древо мировое**. В этой функции в славянских фольклорных текстах обычно выступают Вырий, райское дерево, береза, явор, дуб, сосна, рябина, яблоня. К трем основным частям мирового дерева приурочены разные животные: к ветвям и вершине — птицы (сокол, соловей, птицы мифологического характера, Див и т. п.), а также солнце и луна; к стволу — пчелы, к корням — хтонические животные (змеи, бобры и т. п.). «Все дерево в целом может сопоставляться с человеком, особенно с женщиной: ср. изображение дерева или женщины между двумя всадниками, птицами и т. п. композиции севернорусских вышивок. С помощью мирового дерева моделируется тройная вертикальная структура мира — три царства: небо, земля и преисподняя, четверичная горизонтальная структура (север, запад, юг, восток,

¹ В цитате из словаря В. И. Даля сохранена оригинальная орфография, соответствующая нормам второй половины XIX в.

ср. соответствующие четыре ветра), жизнь и смерть (зеленое, цветущее дерево и сухое дерево, дерево в календарных обрядах и т. п.)» [5, т. II, с. 451].

По мнению многих исследователей, славянская мифология отличается явным своеобразием на любой из частей мирового дерева, а в некоторых случаях демонстрирует безусловную уникальность, отражая духовный мир человека нередко сложнее и разнообразнее, чем, к примеру, более распространенные древнегреческая и древнеримская мифология. Это, в частности, находит воплощение в образах **волшебных птиц**, которые в славянской мифологии, в отличие от мифологии античной, образуют более сложную **систему**.

Образы птиц во многих мифологиях мира занимают ключевые позиции, хотя закрепившаяся за этими образами символика носит весьма различный характер, что находит отражение в ее описании в различных энциклопедических источниках. «Представление о птицах как человеческих душах распространено по всему миру так же широко, как и мнение, что они — воплощенные божества предсказаний, бессмертия и радости, эта идея превосходно и точно выражена в пьесе Метерлинка «Синяя птица» (1908). В некоторых культурах птицы считаются предвестниками болезней — обычно это вороны или грифы. Однако более распространено мнение, что птицы — благоприятный знак, например, в индуизме они символизируют любовь богов, пославших эликсир бессмертия (“soma”) человечеству» [10, с. 294].

Значительная группа символов, соотносимых в разных мифологиях мира с образами птиц, основана на идее, «что птицы имеют контакт с божественными сферами, или, как Голубь Благовещения, доставляют послания оттуда. Кельты преклонялись перед птицами по этой причине. Шаманы украшали свою одежду перьями, надевали птичьи маски, стремясь долететь с их помощью до высших уровней знания. Птицы, таким образом, считались воплощением мудрости, интеллекта и молниеносности мысли (что довольно далеко от современного уничижительного выражения «птичьи мозги»)» [10, с. 295].

Сложившаяся в русской (и — шире — восточнославянской и славянской в целом) мифологии система волшебных птиц вбирает в себя разнообразные символические смыслы, однако ведущими в этом комплексе значений представляются именно те, которые обращены к внутреннему миру представителя славянского мира, его душе, закрепившейся в традиционном представлении как многогранная и, как правило, противоречивая субстанция. В эту систему, основываясь на существующих источниках, как минимум следует включить следующие мифологические образы: **Аист, Ворон, Лебедь, Орел, Жар-птица, Алконост, Сирин, Гамаюн, Феникс** [6; 5; 12; 8].

Наиболее прочно в национально-языковом коллективном сознании русских закреплен образ **Жар-птицы**, о чем свидетельствует, в частности, включение его в перечень **прецедентных** для русской культуры имен в первом выпуске лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство»: «**Жар-птица** — символ счастья, мечты, как правило, трудно достижимой. Даже перо жар-птицы может принести удачу» [8, с. 191]; в этом источнике отмечается также, что данное имя сказочного персонажа может использоваться и для обозначения стереотипного образа. К древнейшим мифологическим образам, могущим выступать также в качестве образа стереотипного, который употребляется для характеристики как человека, так и ситуации, данный словарь относит и номинацию **Ворон** [8, с. 57]. Практически тождественную трактовку получают в этом лингвокультурологическом источнике и номинации **Лебедь** и **Орел** — с той лишь разницей, что эти образы в качестве стереотипных могут употребляться

только для характеристики человека (не ситуации) [8, с. 110, 133]. Номинация **Аист**, в соответствии с трактовкой данного источника, не входит в число типичных русских мифологических образов [8, с. 57].

В то же время в данный лингвокультурологический словарь не включены имена волшебных птиц **Алконост**, **Сирин**, **Гамаюн** и **Феникс**, которые между тем занимают в славянском мифологическом наследии достаточно весомое место, о чем свидетельствует довольно частое обращение к их образам представителей различных видов искусства — прежде всего словесно-художественного, однако не только.

Остановимся более подробно на осмыслении лириками XX столетия таких номинаций образов волшебных славянских птиц, как **Алконост** и **Сирин**, которые связаны особыми дихотомическими отношениями, что, как представляется, в значительной мере обуславливает специфику как их семантико-стилистического своеобразия, так и композиционного функционирования в структуре лирических произведений.

В существующих справочных источниках волшебная птица **Алконост** (вариант: **Алконос**) определяется как «сказочная райская птица, в апокрифах и сказаниях птица грусти и печали. Изображалась на лубочных картинках с крыльями и человеческими руками, телом и лицом женщины. Образ Алконоста восходит к греческому мифу об Алкионе, бросившейся в море и превращенной богами в зимородка. Алконост несет яйца на берегу моря и, погружая их в глубину моря, делает его спокойным на шесть дней. Услышавший пение этой птицы забывает обо всем на свете» [6, с. 8]². Примечательно, что в данной трактовке образа Алконоста авторы обращают внимание на связь возникновения мифа о ней с древнегреческим мифологическим сюжетом (миф об Алкионе, дочери Эола и Энареты), тем самым актуализируя связи между мифологическими представлениями разных народов, которые получили впоследствии различное развитие и, соответственно, приобрели символику, обнаруживающую как сходства, так и отличия.

В определении Алконоста из «Русского мифологического словаря» [12], помимо уже отмеченной, подчеркнута еще одна, принципиально важная для нас в данном случае особенность: тесная связь этой волшебной птицы с другой — **Сирин**: «**Алконост**, мифическая райская птица с человеческим лицом, обитает на берегу моря, где снесенные яйца погружает в глубину вод, после чего море успокаивается на шесть дней. Пение Алконоста заставляет человека забыть обо всем на свете. **Вместе с Алконостом** в средневековых легендах и на лубочных картинках обычно изображалась **фантастическая птица Сирин**. Образ Алконоста восходит к древнегреческому мифу об одной из дочерей Атланта и возлюбленной бога морей Алкионе, которая бросилась в море, а боги превратили ее в зимородка» (выделено мною. — *И. З.*) [12, с. 17–18].

Волшебная птица Сирин, подобно Алконосту, зачаровывает людей своим пением, однако вызывает при этом совсем иные чувства: «**Сирин** — баснословная райская птица, имеющая человеческий облик: птица радости, удачи, славы. Пленяет людей своим пением. Райское пение Сирина служит образцом божественного слова, пленяющего человека. **Прекрасное пение этой птицы вызывает у человека хорошее настроение, радость**; в то же время **только счастливый, радостный человек может слышать прекрасное пение этой птицы**. Не всякому человеку удастся видеть Сирина,

² Приведенное определение подтверждает своеобразие рассматриваемого мифологического образа как преимущественно славянского: апокрифы и сказания, в которых он чаще всего встречается, — распространенные жанры древнерусской литературы, не характерные для художественной словесности других национальных литератур, хотя иногда в них и встречающиеся.

ибо улетает эта птица так же быстро, как слава и удача» (выделено мною. — *И. З.*) [6, с. 175].

Образ птицы Сирина известен и западноевропейской мифологии, где, однако, наделен противоположными, по сравнению с символикой славян, чертами: «**СИРИН**, в средневековой мифологии райская птица-дева, образ которой восходит к древнегреческим сиренам. В русских духовных стихах Сирин, спускаясь из рая на землю, зачаровывает людей своим пением. **В западноевропейских легендах Сирин — воплощение несчастной души.** В русском искусстве **сирин и алконост — традиционный изобразительный сюжет** (от лубочных картинок до «Песни радости и печали» В. М. Васнецова» (выделено мною. — *И. З.*) [5, т. II, с. 438].

В славянской мифологии волшебные птицы Сирин и Алконост — своего рода антиподы, в символике которых зафиксирована в том числе и сложность душевной организации человека, его эмоционального мира, где радость нередко сопровождается печалью, а путь к счастью часто проходит через страдания. Недаром изображение Сирина и Алконоста закрепилось в разных видах русского изобразительного искусства как один из традиционных сюжетов. «Двуединство» Сирина и Алконоста отражено и в русском словесно-художественном творчестве. Примечательно, что именно знакомство с наиболее известными произведениями русской живописи, запечатлевшими волшебных птиц, — картинами В. М. Васнецова «Сирин и Алконост» и «Гамаюн» — послужило для Александра Блока поводом к созданию его знаменитых стихотворений «Сирин и Алконост. *Птицы радости и печали*» и «Гамаюн, птица вещая (*Картина В. Васнецова*)».

СИРИН И АЛКОНОСТ

Птицы радости и печали

Густых кудрей откинув волны,
 Закинув голову назад,
 Бросает **Сирин** счастья полный,
 Блаженств нездешних полный взгляд.
 И, затаив в груди дыханье,
 Перистый стан лучам открыв,
 Вдыхает все благоуханье,
 Весны неведомой прилив...
 И нега мощного усилья
 Слезой туманит блеск очей...
 Вот, вот, сейчас распушит крылья
 И улетит в снопах лучей!
 Другая — вся печалью мощной
 Истощена, изнурена...
 Тоской вседневной и всенощной
 Вся грудь высокая полна...
 Напев звучит глубоким стоном,
 В груди рыданье залегло,
 И над ее ветвистым тронем
 Нависло черное крыло...
 Вдали — багровые зарницы,
 Небес померкла бирюза...

И с окровавленной ресницы

Катится тяжкая слеза...

25 февраля 1899 (выделено мною. — И. З.) [1, с. 68].

А. Блок, художественно воплощая в стихотворении образы двух волшебных птиц, очевидно, опирается на представления, которые сложились о них именно в славянской мифологии. При этом для композиционного оформления лирического текста поэт мастерски использует прием контраста, позволяющий организовать все отобранные языковые средства в соответствии с авторской концепцией. Это дает возможность максимально подчеркнуть как отличие между образами, которые в славянской мифологии символизируют прямо противоположные состояния души человека: блаженство и тоску (ср., в частности: «*счастья полный, Блаженств нездешних полный взгляд*» Сирина и Алконоста, у которой «*тоской вседневной и всенощной Вся грудь высокая полна*»), — так и несомненное сходство, которое проявляется прежде всего в **степени** испытываемых обеими птицами чувств (у Сирина «*нега **мощного** усилья Слезой туманит блеск очей*», а Алконост «*вся печалью **мощной** Истощена, изнурена*»).

Во многом именно благодаря стихотворениям А. Блока, посвященным русским волшебным птицам — помимо Сирина и Алконоста, это также Гамаюн, — эти образы вошли в фонд символических для русской художественной словесности образов, открыв для художников слова возможность опираться в своих произведениях при эстетическом осмыслении этих символов не только на их традиционное для славянской мифологии содержание, но и на художественный опыт своих предшественников, обогативших эти образы и индивидуально-авторскими смыслами.

С нашей точки зрения, именно индивидуально-авторское воплощение образов Сирина и Алконоста Александром Блоком заложило весьма важную для русского словесно-художественного творчества традицию — традицию «двуединства» их осмысления, рассмотрения в неразрывной связи и / или взаимодействии, позволяющего передать многогранность славянской души, в которой подчас одновременно присутствуют прямо противоположные и в то же время дополняющие друг друга состояния и чувства.

Эта блоковская традиция была продолжена рядом представителей Серебряного века, в том числе и эмигрировавших в 20-е гг. прошлого столетия из России, из-за чего широкая читательская аудитория познакомилась с их произведениями только в конце XX в. К таким поэтам принадлежит, в частности, Борис Константинович Семенов, один из участников «Скита поэтов» — созданного в Праге в первой половине XX в. творческого объединения писателей. Далее приводится фрагмент из стихотворения Б. К. Семенова «Золотом и снегом зори росные...», опубликованного в 1926 г. в сборнике «Родное слово», где функционируют образы Сирина и Алконоста:

И мерцают звезды... Звезды — дети...

А над ними веет, никому не зрим,

Мягкими крылами — взмах — столетье —

Ласковый и мудрый серафим.

Без конца путей в широком мире.

Без числа детей и ясных звезд...

Ворожит грядущим птица **Сирин**,

По ушедшим плачет **Алконост** (выделено мною. — И. З.) [9].

Представляется, что образы двух волшебных птиц в приведенном стихотворении не только развивают заложенную А. Блоком традицию осмысления их в двуединстве, но и расширяют ее в результате индивидуально-авторского осмысления, поскольку Сирин связывается поэтом с будущим (*ворожит грядущим птица Сирин*), а Алконост — с прошлым (*по ушедшим плачет Алконост*). Эта информация приобретает для выражения поэтической концепции автора особое значение еще и в результате помещения ее в «сильную» для восприятия лирического произведения позицию — в конечные строки. Помимо этого, следует отметить, что рассматриваемые образы очень гармонично вплетены в словесную ткань лирического стихотворения, которая, с одной стороны, отчетливо ориентирована на фольклорные образные традиции, а с другой — на традиции книжно-письменные, как правило, в большинстве случаев продуктивно сочетающиеся с фольклорными. Первое находит, в частности, выражение в обилии типичных для произведений фольклора пейзажных образов: *росные зори, яблонное кружево, синие перелески, звонкие весны, кудрявый хмель* и другие; вторая же воплощается в предпочтении на разных текстовых уровнях книжных языковых элементов (архаичных или «с налетом» архаики, поэтизмов и т. п.) общеупотребительным. Так, на лексико-семантическом уровне это слова *возносят, свирель, серафим, не зрим, грядущее* и др.; на морфологическом — грамматические формы *крылами* (не *крыльями*) и *хрустали* (данное существительное в форме множественного числа, как правило, не употребляется); на словообразовательном — имя прилагательное *яблонное* (не *яблоневое*) *кружево* и т. д.

Примечательно, что современница Б. К. Семенова и его соратница по Пражскому «Скиту», создающая свои произведения под псевдонимом **Мария Вега** (настоящее имя Мария Николаевна Волинцева), также обращается в своем творчестве к образам Сирина и Алконоста, однако осмысливает их в совсем ином ключе. Например, достаточно объемное стихотворение Марии Веги «Гусиное перо» начинается строками:

На вид герой мой очень прост,
 Но я о нем писать берусь.
 Не **сирин** он, не **алконост**,
 Не гамаюн, а гусь!
 Вообразим: прудок, ветла,
 Лужайка и косой плетень.
 Вздремнуть стряпуха прилегла
 В струящуюся тень (выделено мною. — И. З.) [2, с. 208–211].

В приведенном контексте функционирует, помимо имен Сирина и Алконоста, еще одна номинация, обозначающая волшебную птицу Гамаюн, которая в поэтических контекстах нередко сопрягается с рассматриваемыми в данном случае; однако анализ ее функций и семантики заслуживает, с нашей точки зрения, отдельного изучения, поскольку это прецедентное имя обладает не менее (а возможно — и более) существенным лингвокультурным потенциалом. В то же время в стихотворении М. Веги мы наблюдаем общую по отношению ко всем используемым мифологическим именам установку — на явное «снижение» их символического смысла, ироническое его обыгрывание. Этому способствует помещение имен волшебных птиц в контекст, насыщенный обыденной лексикой (*прудок, плетень, стряпуха* и т. п.), а также морфологический прием — перевода имен собственных в нарицательные (при помощи написания их со строчной буквы). Эта традиция в последующем также найдет свое продолжение в лирике русских авторов — причем не только XX, но и XXI в.

Безусловным продолжателем блоковского осмысления в лирическом творчестве образов не только Сирина и Алконоста, но и птицы Гамаюн является Всеволод Александрович Рождественский. В его стихотворении «У Лукоморья» (1967) эта традиция осознается совершенно отчетливо: символическое содержание образов волшебных птиц не только всесторонне поддерживается поэтическим контекстом и композиционным оформлением, но также тесно увязывается с ключевым в русской истории событием — борьбой с татаро-монгольским нашествием:

У ЛУКОМОРЬЯ

На зеленых склонах Лукоморья,
Буйно ветви опустив вразлет,
Как сплетенье радости и горя,
Вековое дерево растет.

Если путник в тень его приляжет,
Неизбывным зноем истомлен,
Многое листвой оно расскажет,
Погружая память в мирный сон.

Вспыхнут самоцветные каменья,
Распахнет свой полог полутьма,
И, как златоверхие виденья,
Выплывут сады и терема.

Ветерок повеет, свеж и мирен,
А с тенистой ветки на краю
Трелью разольется птица **Сирин**,
Издавна гостящая в раю.

Но едва прорежется зарница,
Распуская радугую хвост,
Новая в листву присядет птица,
Вестница тревоги — **Алконост**.

Ты услышишь свист и грохот боя
Там, где в кровь окрашена трава,
Где на стены, иступленно воя,
Саранчою лезет татарва.

Коль стрела пробьет твою кольчугу,
Коль из рук ты выпустишь копье,
Не жалеи! Полынь-траве, как другу,
Ты свое оставишь бытие.

И опять заплещет над тобою
Дерево разливом тонких струн,

Над твоею гордою судьбою
 Будет виться птица Гамаюн!
 (выделено мною. — И. 3.) [7, с. 282–283].

В стихотворении В. А. Рождественского гармонично сочетаются традиции русского фольклора, а также русской классической поэзии XIX в. и поэзии Серебряного века. В целом оно выдержано в торжественно-патетическом ключе, редкая сниженная лексика (в частности, *татарва*), выполняя характерологическую функцию, в то же время подчеркивает отношение обобщенного лирического героя к врагу. Особая роль принадлежит в лирическом тексте словам и выражениям, содержащим явный восточнославянский культурный компонент (*Лукоморье, самоцветные камни, полынь-трава, терема* и т. п.): именно они «погружают» адресата в мир культуры восточных славян, придавая при этом своеобразие и неповторимость произведению в целом. Имена волшебных птиц, включая и Гамаюн, не только обладают в лирической структуре очевидной семантико-эстетической значимостью, но и выполняют выраженную композиционную функцию, чему способствует включение каждого из имен в отдельную строфу, а также оформление текста по принципу контраста. Птицы же Сирин и Алконост традиционно представлены в этом тексте как олицетворение двух противоположных состояний, с одной стороны, человеческой души, с другой — всего народа: умиротворения, мира и покоя — и беспокойства и тревоги (*А с тенистой ветки на краю / Трелью разольется птица Сирин, / Издавна гостящая в раю — Новая в листву присядет птица, / Вестница тревоги — Алконост*).

Таким образом, заложенная Александром Блоком традиция эстетического осмысления образов славянской мифологии — волшебных птиц Сирина и Алконоста — находит продолжение и в лирическом творчестве русских поэтов XX в., будучи в каждом конкретном случае закономерно дополненной (а иногда и трансформированной) элементами индивидуально-авторской манеры поэта. В настоящей публикации рассмотрено лишь одно из направлений подобного осмысления, которое было бы интересно и, с нашей точки зрения, исследовательски целесообразно сопоставить с подходами к осмыслению этих образов у других авторов-лириков. Это позволило бы более всесторонне и глубоко охарактеризовать семантико-эстетические возможности элементов славянского мифологического пространства (в том числе и потенциальные либо уже скрытые от современного носителя языка — читателя) для выражения разного рода смыслов: задающих развитие лирической структуры по нескольким семантическим направлениям, а также концептуального характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Блок А. Собр. соч.: в 6 т. / под ред. М. Дудина и др. Л.: Худож. лит., 1980. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 1898–1906. 512 с.
- 2 Вега М. Ночной корабль: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2011. 307 с.
- 3 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978. Т. I. 699 с.
- 4 Киреевский И. Р. Мифы древних славян. Харьков; Белгород: Клуб семейного досуга, 2010. 240 с.
- 5 Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. Энциклопедия, 1992. Т. 1. 691 с. Т. 2. 719 с.

- 6 Персонажи славянской мифологии / сост. А. А. Кононенко, С. А. Кононенко. Киев: Фирма «Корсар», 1993. 224 с.
- 7 *Рождественский В.* Стихотворения и переводы. Л.: Сов. писатель, 1985. 592 с.
- 8 Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / сост. И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. М.: Гнозис, 2004. 318 с.
- 9 «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / вступ. ст., общ. ред. Л. Н. Белошевой; сост., биографии Л. Н. Белошевой, В. П. Нечаева. М.: Русский путь, 2006. 768 с. URL: https://www.rp-net.ru/store/element.php?IBLOCK_ID=30&SECTION_ID=0&ELEMENT_ID=3037 (дата обращения: 11.04.2020).
- 10 *Толстой Н. И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. М.: Индрик, 1995. С. 27–40.
- 11 *Тресиддер Дж.* Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
- 12 *Шуклин В. В.* Русский мифологический словарь. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. 384 с.

© 2022. Irina P. Zaitseva
Vitebsk, Belarus

COMPREHENSION OF LINGUOCULTURAL POTENTIAL OF SLAVIC MYTHOLOGICAL BIRDS' NAMES IN RUSSIAN LYRICS OF THE 20TH CENTURY

Abstract: The paper analyzes the principles of introducing in lyrical contexts (in individual author's interpretation) of the images of magic birds, representing one of the sectors of the East Slavic mythological space: images of Sirin and Alkonost. Based on the material of lyric works of a number of authors of the twentieth century. (B. K. Semenov, V. A. Rozhdestvensky, M. Vega) the study demonstrated how poets develop the tradition of a “twofold” (in their close relationship) understanding of these images, laid down by the lyrics of A. Blok, which, in turn, goes back to ideas formed over a long period of time in a linguistic picture of the world of the Eastern Slavs. In keeping with this tradition, Sirin and Alkonost symbolize opposite states of the human soul, which the representative of the Slavic culture often experiences as interacting inextricably, complementing and conditioning each other. The development of this tradition by lyricists of the twentieth century is carried out in accordance with an individual author's way, which in each case gives the lyrical work a conceptual aesthetic and linguistic-stylistic originality. It appears that the results obtained represent an interest for further research both in the field of stylistics of artistic speech as in the field of ethnolinguistics.

Keywords: ethnolinguistics, mythological image, lyrical structure, precedent name, semantic potential, composition.

Information about the author: Irina P. Zaitseva — DSc in Philology, Professor, Vitebsk State P. M. Masherov University, Moskovsky Ave., 210038 Vitebsk, Republic of Belarus.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4659-0929>

E-mail: irinazaj91@mail.ru

Received: April 24, 2020

Approved after reviewing: June 25, 2020

Date of publication: June 28, 2022

For citation: Zaytseva I. P. Comprehension of linguocultural potential of Slavic mythological birds' names in Russian lyrics of the 20th century. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 64, pp. 227–238. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-227-238>

REFERENCES

- 1 Blok A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Complete Works: in 6 vols.], ed. by M. Dudin and other. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980. Vol. 1: *Stikhotvoreniia i poemy* [Verses and poems]. 1898–1906. 512 p. (In Russian)
- 2 Vega M. *Nochnoi korabl': Stikhotvoreniia i pis'ma* [Night Ship: Poems and Letters]. Moscow, Vodolei Publ., 2011. 307 p. (In Russian)
- 3 Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: in 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1978. Vol. I. 699 p. (In Russian)
- 4 Kireevskii I. R. *Mify drevnikh slavian* [Myths of the ancient Slavs]. Khar'kov, Belgorod, Klub semeinogo dosuga Publ., 2010. 240 p. (In Russian)
- 5 *Mify narodov mira. Entsiklopediia: v 2 t.* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia: in 2 vols.], ed. S. A. Tokarev. Moscow, Sovetskaia Entsiklopediia Publ., 1992. Vol. 1. 691 p. Vol. 2. 719 p. (In Russian)
- 6 *Personazhi slavianskoi mifologii* [Characters of Slavic mythology], sost. A. A. Kononenko, S. A. Kononenko. Kiev, Firma “Korsar” Publ., 1993. 224 p. (In Russian)
- 7 Rozhdestvenskii V. *Stikhotvoreniia i perevody* [Poems and Translations]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1985. 592 p. (In Russian)
- 8 *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskii slovar': Vyp. pervyi* [Russian Cultural Space: Linguocultural Dictionary: First Issue], comp. by I. S. Brileva, N. P. Vol'skaia, D. B. Gudkov, I. V. Zakharenko, V. V. Krasnykh. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 318 p. (In Russian)
- 9 “*Skit*”. *Praga 1922–1940: Antologiiia. Biografii. Dokumenty* [“Hermitage”. Prague 1922–1940: Anthology. Biographies. The Documents], introductory article, ex. ed. by L. N. Beloshevskaiia; comp. of the biography L. N. Beloshevskaiia, V. P. Nechaev. Moscow, Russkii put' Publ., 2006. 768 p. Available at: https://www.rp-net.ru/store/element.php?IBLOCK_ID=30&SECTION_ID=0&ELEMENT_ID=3037 (accessed 11 April 2020). (In Russian)
- 10 Tolstoi N. I. *Etnolingvistika v krugu gumanitarnykh distsiplin* [Ethnolinguistics in the Circle of Humanitarian Disciplines]. In: Tolstoi N. I. *Iazyk i narodnaia kul'tura* [Language and Folk Culture]. Moscow, Indrik Publ., 1995, pp. 27–40. (In Russian)
- 11 Tresidder Dzh. *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 1999. 448 p. (In Russian)
- 12 Shuklin B. V. *Russkii mifologicheskii slovar'* [Russian Mythological Dictionary]. Ekaterinburg, Ural'skoe izdatel'stvo Publ., 2001. 384 p. (In Russian)